

ПЫШКА

В ОБЪЯТИЯХ

ОРКА

МЕССА ЛИНА

18+

Месса Лина

Пышка в объятых орка

«Автор»

2026

Лина М.

Пышка в объятьях орка / М. Лина — «Автор», 2026

Я, Мирабель, привыкла справляться с пьяными лесорубами и суровыми зимами Валдриса в одиночку. Но все пошло прахом в ту ночь, когда я вытащила из снежной бури полумертвого орка. Торgrim оказался не просто могучим воином, а наследным принцем. И в нашу глушь он пожаловал не ради знаменитого эля. Он ищет сбежавшую сестру — принцессу, которая прямо сейчас, нацепив старый передник, отмывает полы на моей кухне и прячется от навязанного жестокого брака за широкой спиной моего повара. Теперь мне предстоит опасная игра... От его золотистого взгляда плавится лед, а в моей таверне становится невыносимо жарко. Но по нашим следам уже идут закованные в сталь гончие мстительного герцога.

© Лина М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Месса Лина

Пышка в объятьях орка

Глава 1

Я плыла сквозь гул и тесноту “Золотой фляги” с той легкостью, которая всегда забавляла и восхищала моих постоянных гостей. Несмотря на мои пышные формы, я знала каждый угол и каждую шаткую половицу, поэтому ловко лавировала между столами, ни разу не задев ни одного выставленного локтя. В каждой руке у меня было по три тяжелых кружки с моим фирменным элем, но я вовсе не чувствовала их веса.

— Барни, если ты еще раз так ударишь по дубу, у меня посыплется труха из кладки, — бросила я на ходу кузнецу, аккуратно забирая у него пустую посуду.

— Так я ж от восторга, Мира! — прогудел он, виновато пряча огромные ладони. — Твой эль сегодня — чистый огонь!

— Огонь должен греть, а не крушить все вокруг, — я подмигнула ему. — Посиди минутку, принесу свежего.

Я двинулась дальше, попутно отвечая на бесконечные приветствия. Люди тянулись ко мне, как к очагу в морозную ночь. Здесь, под сводами моей таверны, я чувствовала себя на своем месте — хозяйкой, защитницей и, если нужно, миротворцем.

— Господин мэ, как ваша подагра? — я на секунду задержалась у столика в углу. — Надеюсь, вы не забыли добавлять в чай те синие семена, что я передала вашей супруге?

— Клянусь, Мирабель, ты колдунья, — пропыхтел грузный старик, поглаживая колено. — Ноги уже не так гудят по утрам.

— Никакого колдовства, только шепотка заботы и правильный сбор, — рассмеялась я.

Я подошла к раздаточному окну и увидела Гранта. Наш повар возвышался над плитой, как скала: суровый, жилистый, с руками в старых ожогах. Он вечно хмурился, но готовил так, что даже столичные снобы проглотили бы языки вместе с его стряпней.

— Грант, на четвертом столике просят добавки твоего рагу, — сказала я громко, стараясь перекрыть шкварчание масла. — И скажи Ворке, чтобы не забыла про чесночные гренки!

Грант коротко кивнул, не оборачиваясь. Его тесак с глухим стуком опустился на разделочную доску.

— Будет через три минуты, — буркнул он своим низким голосом. — И если эти олухи в зале не перестанут орать, я лично выйду и засуну им по кочерыжке в глотку, чтоб заткнулись.

Я не сдержала улыбки и легонько коснулась ладонью его плеча. Оно было твердым, как камень, но я знала, что за этим напускным ворчанием скрывается человек, который не ляжет спать, пока не накормит последнего бродягу у черного входа.

— Не ворчи, Грант. Ты же знаешь, они шумят только потому, что твое мясо сводит их с ума.

Он что-то неразборчиво пробормотал, но я заметила, как уголок его рта едва заметно дернулся вверх. Это была высшая степень признания, на которую он был способен.

Я забрала поднос и на секунду замерла, оглядывая зал. Повсюду доносился смех, стук кружек и уютный трактирный шум. Но, глядя на почти пустые бочки с элем у стены, я ощутила знакомый укол беспокойства. Мои запасы трав, с которыми я варила напиток, были на исходе. Если я не отправлюсь в горы в ближайшее время, к осени мне нечего будет предложить нашим постояльцам! И все это тепло быстро погаснет...

Я перехватила поудобнее тяжелый поднос и кивнула своим мыслям. Завтра на рассвете я должна уйти в горы как минимум на три дня. Срок немалый, но другого выхода нет: свадьба

герцога Аларика приближалась с неумолимой скоростью. Хотя само торжество планировалось в столице, эхо его докатилось и до нашего захолустья — господин мэр уже отдал приказ приготовить двойную норму моего особого эля для городских гуляний.

Если я не успею собрать ледяную кору и горный чабрец сейчас, к празднику мне просто нечего будет разливать почетным гостям. А разочаровать разгулявшуюся толпу, да еще и под именем герцога — затея опасная.

Взгляд мой невольно задержался на Ворке, которая с трудом отбивалась от сальных шуточек подвыпивших лесорубов, и на Гранте, чья спина возвышалась над раздаточным окном, как натянутая тетива. Тревога колючим комком заворочалась в груди.

— Справитесь тут без меня? — негромко спросила я, когда снова подошла к Гранту за заказом. — Три дня — срок долгий, а людей из-за этой свадьбы привалит вдвое больше. Ворка совсем еще девчонка, а ты... Ну, ты сам знаешь, Грант.

Повар замер, вытирая руки о фартук. Он повернулся ко мне — и в его суровом взгляде промелькнуло что-то похожее на беспокойство, которое он тут же поспешил скрыть за напускной грубостью.

— Иди уже, травница, — проворчал он. — Не впервой. Если кто начнет буянить, я их быстро научу манерам. А девчонку в обиду не дам. Лучше о себе думай: в горах погода портится, я чувю это по своей старой ране.

Я вздохнула, понимая, что он прав. Горы не прощают рассеянности, а мне нужно было заготовить как можно больше припасов. Собрав волю в кулак, я отогнала все лишние сомнения. В конце концов, “Золотая фляга” стояла здесь еще до меня, поэтому уж точно выстоит эти три дня, а мой путь лежит туда, где среди снегов и камней прячется сердце моих рецептов.

Утро встретило меня холодным и бледным рассветом. Когда я приоткрыла тяжелую дверь таверны, мороз тут же беспардонно пробрался под шаль, ущипнул за щеки и забрался в самые легкие. Воздух был таким прозрачным и острым, что, казалось, мог порезать даже кожу.

Я поправила ляжки пустой пока корзины, проверила, надежно ли закреплен на поясе серп для трав, и зашагала в сторону Серебряных пиков. Снег под сапогами хрустел звонко, позимнему, предупреждая, что наверху будет несладко. Но отступить нельзя: герцог Аларик не из тех людей, кто примет оправдания о плохой погоде вместо обещанного заказа.

Подъем давался тяжело. Тропа петляла между вековыми соснами, которые под тяжестью снега походили на застывших великанов. Чем выше я забиралась, тем тише становился мир. Исчезли звуки деревни, лай собак и стук молота в кузнице Барни. Осталось только мое дыхание в виде белых облачков пара, бесследно тающих в холодном мареве.

Я решила не идти сразу в лачугу. Старый домик моей бабушки стоял почти у самой вершины на уединенном плато. Это было идеальное место для ночлега: оттуда открывался обзор на все склоны, так что мне не приходилось каждый день тратить силы на подъем. Но сейчас, пока солнце еще стояло высоко, я хотела собрать первую порцию ледяной коры на нижних ярусах.

— Ну же, милые, дайте мне то, зачем я пришла, — прошептала я, опускаясь на колени перед замшелым валуном.

Мои пальцы в плотных перчатках ловко счищали серый и хрупкий на вид лишайник. Он был холодным, почти ледяным на ощупь, но я знала, что в чане с суслом он раскроется невероятным образом. Это была тяжелая работа: спина быстро затекла, а колени онемели от соприкосновения с промерзшей землей, но азарт собирателя гнал меня дальше.

Я планировала наполнить хотя бы треть корзины перед тем, как укрыться в хижине.

Солнце начало клониться к закату, окрашивая снег в розовато-золотистый цвет. Корзина приятно тяготила плечи — первый сбор выдался богатым. Я уже собиралась свернуть к тропе, ведущей к бабушкиной лачуге, как вдруг краем глаза заметила странное пятно под раскидистыми ветвями старой ели.

В нескольких шагах от меня высилась массивная темная гора.

— Надо же, лось, — выдохнула я, замирая на месте. — Бедняга, неужели не выдержал холода?

В наших краях лесные гиганты иногда забредали так высоко в поисках соли, так что вид павшего животного не был редкостью. Я сделала осторожный шаг вперед, надеясь, что зверь просто спит, хотя здравый смысл подсказывал: в такой мороз не спят на открытом снегу.

Но стоило мне подойти ближе, как сердце пропустило удар.

Вместо грубой шерсти лося из-под снежного наноса показался край тяжелого плаща, отороченного мехом полярной лисы. Сквозь сугроб проглядывала вороненая сталь с изысканной гравировкой. А затем я увидела руку.

Огромная, мощная кисть с кожей цвета пожухлой травы безжизненно лежала на снегу. Костяшки пальцев были сбиты в кровь, которая застыла черными корками. Это не лось!

— Орк... — сорвалось с моих губ.

Я бросилась к нему, проваливаясь в снег почти по пояс. Забыв о предосторожности и о том, что орки вообще-то были существами опасными и непредсказуемыми, я принялась лихорадочно разгребать сугроб. Передо мной лежал воин. Его лицо, скуластое и суровое, было бледным, почти серым от обморожения, а на губах запеклась изморозь. Он не походил на наших деревенских работяг. В его облике, даже в этом беспомощном состоянии, сквозило высокомерие и странная, мрачная красота.

Я прижала ладонь к его шее, едва надеясь почувствовать хоть что-то сквозь ледяную кожу. Тишина. А за ней — слабый, почти призрачный толчок под моими пальцами.

— Живой, — ахнула я, чувствуя, как внутри все сжалось от жалости. — Ты еще живой, большой парень!

Он был в два раза больше меня, закован в броню и мех, а до лачуги на вершине оставалось еще добрых полмили крутого подъема. Но я знала одно: если я оставлю его здесь, до рассвета он точно превратится в ледяную статую.

Оставить его здесь было равносильно убийству, а бросать живых я не умела. Действовать пришлось быстро, пока последние крохи тепла не покинули это огромное тело.

Я достала серп и принялась ожесточенно рубить нижние ветви вековых кедров. Тяжелые, гибкие лапы ложились одна на другую, образуя некое подобие волокуш. Руки дрожали от напряжения, когда я связывала их остатками бечевки, которую всегда носила для пучков трав. Самым сложным оказалось перекатить его на этот импровизированный плот. Он был невероятно тяжелым — казалось, я пытаюсь сдвинуть с места саму гору. Громко сопя и упираясь сапогами в промерзший наст, я все же сумела переместить его бесчувственную тушу на ветки.

— Ну же, Мира, ты и не такое таскала, — прорычала я себе под нос, обматывая руки концами импровизированной упряжи.

Я сделала первый рывок. Плечи тут же отозвались острой болью, а ляжки плаща врезались в кожу. Каждый шаг давался с боем. Снег, который раньше казался просто красивым, теперь стал моим злейшим врагом, цепляясь за ветки и засасывая сапоги.

— Еще... Один... Шаг! — выдохнула я, делая мощный рывок вперед.

Я тащила его, буквально вгрызаясь в склон. Мышцы спины горели, в висках стучала кровь, а дыхание вырывалось из груди хриплым свистом. Когда становилось совсем невмоготу, я просто упиралась лбом в обледенелую кору ближайшего дерева, считала до трех и снова дергала носилки. Его броня скрежетала о камни, а массивные сапоги то и дело соскальзывали с веток, заставляя меня тратить последние силы на то, чтобы поправить груз.

Я рычала от ярости и бессилия, чувствуя, как пот течет по спине, несмотря на лютый холод. Вершина, где притаилась бабушкина хижина, казалась бесконечно далекой, но я не позволяла себе смотреть вверх. Только под ноги. Только следующий метр.

Когда из-за пелены снегопада наконец показался темный силуэт покосившейся крыши, я уже не чувствовала ни рук, ни ног. Последние несколько саженей я преодолела в каком-то полубезытии, толкая носилки за собой, пока они не уперлись в порог.

Я рухнула рядом с ним прямо в сугроб, жадно глотая ледяной воздух. Мы добрались! Теперь оставалось самое сложное — не дать ему умереть в этом замерзшем доме.

Я втащила его внутрь волоком, пятясь задом и чувствуя, как мои собственные мышцы дрожат от перенапряжения. Носилки из кедровых веток закрипели по некрашеным доскам пола. Когда его массивная голова наконец оказалась внутри, я с трудом закрыла дверь на засов, отсекая яростный свист ветра.

В хижине было не сильно теплее, чем снаружи. Воздух застоялся, пахло сухой пылью и старым деревом. Первым делом я бросилась к очагу. Пальцы, окоченевшие до состояния деревяшек, плохо слушались, но старая привычка взяла свое: сухая береста схватилась от первой же искры. Вскоре веселое пламя принялось облизывать заготовленные с осени поленья.

Я повернулась к своему невольному гостю. Он лежал на полу — огромный, нелепый в своем богатом наряде среди этой скудной обстановки. Его дыхание было почти незаметным, а кожа на ногах, которую я увидела, когда стянула с него тяжелые, забитые снегом сапоги, испугала меня до смерти. Бледная, с синеватым отливом, она была ледяной на ощупь.

— Ну и задал ты мне задачку, великан, — прошептала я, растирая свои ладони, чтобы хоть немного их согреть.

Дом прогревался медленно, а времени у нас не было. Если кровь не прильет к его ступням сейчас, к утру он останется калеккой, если вообще доживет до рассвета. Я знала только один верный способ быстро отогреть обмороженную плоть. И способ этот требовал отбросить всякую стыдливость.

Я уселась на пол рядом с его ногами, подоткнув под спину старую подушку. Глубоко вздохнув, я стянула с себя теплые шоссы, задрала тяжелый подол своего шерстяного платья и нижних юбок, притянула его огромные, как лопаты, ступни к себе и прижала их прямо к своим бедрам, накрыв сверху плотной тканью.

Холод был таким резким, что у меня перехватило дыхание. Казалось, ко мне прижали два куска могильного льда. Я невольно вскрикнула, но не отстранилась, сильнее прижимая его ноги к своей теплой коже.

— Знал бы ты, парень, в какой компании очутился, — нервно хихикнула я, чувствуя, как по телу бегут мурашки. — Проснешься и решишь, что попал в плен к очень странной и очень мягкой человеческой женщине. Но ты уж не обессудь, других грелок у меня для тебя нет. Либо мои бедра, либо костер, но от костра ты просто лишишься пальцев.

Я сидела, чувствуя, как мое собственное тепло медленно, капля за каплей, перетекает в него. Огонь в очаге разгорался все ярче, тени на стенах пустились в пляс, а я, обнимая ноги незнакомого орка через слои юбок, начала понемногу согреваться сама.

— Только не вздумай лягаться во сне, — пробормотала я, чувствуя, как веки тяжелеют. — Ты тяжелый, как целая скала, а я сегодня и так перевыполнила норму по перетаскиванию тяжестей.

Глава 2

Утро началось не с пения птиц, а с тяжелого и хриплого дыхания, заполнившего тесную лачугу. Я проснулась с затекшей спиной, все еще сидя на полу у очага. Огонь почти прогорел, подернувшись седым пеплом, но в комнате стало ощутимо теплее.

Я осторожно высвободила его ноги из-под подола. Слава богам, синева ушла, сменившись здоровым серовато-зеленым оттенком — кровь вернулась в жилы.

Весь день я крутилась вокруг него, как заведенная. Сварила крепкий бульон из сушеного мяса и добавила туда кореньев, что всегда висели под потолком у бабушки — для бодрости духа и заживления ран. Пыталась поить его, аккуратно приподнимая его массивную голову и вливая отвар по капле. Он с трудом сглатывал, но в себя так и не приходил, лишь иногда что-то бессвязно бормотал на своем гортанном наречии.

Пока он спал, я наконец решила рассмотреть его доспехи. Сняла с него верхний нагрудник, чтобы ему было легче дышать, и охнула. Сталь была высшей пробы и с золотой насечкой, изображавшей ревущего волка — герб, который я видела только на старых картах или в рассказах заезжих купцов. Но больше всего мое внимание привлек массивный медальон на толстой цепи, покоившийся на его широкой груди. На нем четкой вязью было выгравировано имя: *Торгрим*.

— Торgrim, значит, — прошептала я, обводя пальцем буквы. — Ну и как же тебя, такого важного и нарядного, занесло на мои скалы?

Это не давало мне покоя. Орк такой стати не мог просто заблудиться на прогулке. Под его богатыми одеждами я заметила старые шрамы — длинные, рваные следы от клинков, которые явно не вчера оставили свои метки. Он был воином, причем из тех, кто ведет за собой полки, а не прячется в тылу.

Я подкинула дров в огонь и принялась чистить коренья для ужина. В хижине стало совсем уютно: запахло сушеными травами и мясным наваром. Глядя на этого спящего гиганта, я поймала себя на мысли, что он совсем не пугает меня. Напротив, в его чертах, резких и хищных, было что-то... Величественное. И в то же время он казался сейчас невероятно беззащитным.

— Знаешь, Торgrim, — сказала я в тишину, помешивая варево в котелке. — Если ты решишь очнуться и съесть меня, это будет очень неблагодарно с твоей стороны. Я ради тебя вторую юбку измяла и спину чуть не сорвала. Так что давай, возвращайся к нам. Грант внизу вечно ворчит, что ему не с кем поговорить о нормальном оружии — вот вы и пообщаетесь.

Но Торgrim лишь глухо застонал во сне и отвернул голову от света очага. За окном снова начал завывать ветер, обещая, что спускаться вниз нам придется еще не скоро.

Сумерки второго дня мягко легли на стены хижины, когда тишину разорвал резкий, судорожный вздох. Торgrim дернулся, его огромные пальцы скребнули по доскам пола, а веки затрепетали, пытаясь разомкнуться. Я тут же бросила полотенце и оказалась рядом, опустившись на колени у его головы.

— Тише, тише... — прошептала я, мягко коснувшись его горячего лба. — Тшш... Большой зеленый парень. Я здесь, я рядом.

Он распахнул глаза. Они были цвета старого золота, замутненного болью и лихорадкой. В первый миг в них вспыхнула дикая звериная ярость — инстинкт воина, очнувшегося в незнакомом месте. Его рука дернулась к поясу, туда, где должен был висеть меч, но пальцы лишь беспомощно сжали пустоту.

— Где... — голос его больше походил на скрежет камней в горном обвале. — Где я?

— В безопасности, — я не убирала руки, чувствуя, как под моей ладонью колотится его тяжелый и неровный пульс. — На самой вершине мира, если быть точной. Ты едва не замерз насмерть в сугробе, Торgrim.

При звуке своего имени он замер. Взгляд его начал обретать фокус, перемещаясь с моих глаз на мои растрепанные волосы, а затем на котелок, мирно булькающий над огнем. В этом взгляде было столько недоумения, словно он увидел перед собой не простую женщину, а сказочное существо.

— Ты... Человек, — выдохнул он, и его кадык дернулся. — Зачем?

— Зачем спасла? — я чуть улыбнулась и осторожно приподняла его голову, подкладывая свернутый плащ. — Наверное потому, что ты слишком тяжелый, чтобы оставлять тебя на съедение волкам. У меня бы сердце разболелось от мысли, что такая гора мышц пропадет зря.

Он попытался приподняться на локтях, но тут же глухо застонал и рухнул обратно. Силы покинули его окончательно.

— Лежи, — строго приказала я, потянувшись за чашкой с теплым отваром. — Твои ноги только-только начали чувствовать тепло. Если сейчас вскочишь, свалишься и разнесешь мне всю мебель, а она мне от бабушки досталась.

Я поднесла чашку к его губам. Торгрим помедлил, глядя на меня с подозрением, которое веками копилось между нашими народами, но затем сделал глоток. Его глаза расширились от вкуса трав и меда.

— Пей, большой парень, — тихо добавила я, убирая мокрую прядь с его лица. — Тебе нужно набраться сил. У нас впереди долгий спуск, а я свой план по переноске орков на этот год уже выполнила.

Убедившись, что лихорадка отступила и Торгрим уснул более ровным сном, я подхватила корзину. Находка находкой, а эль сам себя не сварит. В горах время — валюта дорогая. Если буря утихла, нужно брать от склонов все, пока они снова не ошетинились снегом.

Я провела пару часов, выискивая в расщелинах скал редкий горный корень. Ветер все еще покусывал пальцы, но после борьбы за жизнь орка этот холод казался мне почти ласковым. Наполнив корзину доверху, я побрела обратно, предвкушая тепло очага.

Но стоило мне толкнуть дверь хижины, как вместо привычного уюта я почувствовала реальную опасность.

Торгрим не лежал в забытьи. Он сидел, тяжело привалившись спиной к стене, и в его руке хищно поблескивал обнаженный клинок. Несмотря на бледность и дрожь в широких плечах, взгляд его золотых глаз был острым, как бритва. Он был готов убивать.

— Где они? — прохрипел он, едва я переступила порог. — Сколько людей ты привела?

Я замерла, но не от страха, а от глубокого, искреннего возмущения. Поставив корзину на стол, я уперла руки в бока.

— Ты это мне? — я кивнула на меч. — Ты бы его спрятал, парень, а то еще уронишь на ногу, которую я полночи под юбками грела. Обидно будет.

— Не лги мне, женщина, — Торгрим прищурился, угрожающе блеснув клыками. — Ты ушла, чтобы донести на меня. Сейчас сюда ворвутся деревенские с вилами, чтобы заполучить голову орка.

Я лишь отмахнулась, проходя мимо него к плите, чтобы подбросить дров.

— Делать мне больше нечего, только по сугробам бегать за мужиками с вилами. Во-первых, до деревни полдня пути, а во-вторых — с чего ты взял, что нам нужна твоя голова? У нас в “Золотой фляге” орчиха заказы разносит. И знаешь что? Мы любим ее больше, чем заезжих людей.

Торгрим заметно вздрогнул, острие меча чуть опустилось.

— Орчиха? — его голос стал глуше, в нем прорезалось странное волнение. — Ее зовут не Моргрив?

Я качнула головой, помешивая варево в котелке.

— Нет. Ворка ее зовут. Милая девчонка, хоть и с характером.

Он закрыл глаза, и мне показалось, что из него разом выкачали весь воздух. Клинок со звоном опустился на доски пола. Наступила тишина, нарушаемая только треском поленьев.

— Так как тебя вообще сюда занесло, Торгрим? — спросила я уже мягче. — Неужели принцы теперь гуляют в одиночку по перевалам в разгар заморозков?

— Я был не один, — он тяжело вздохнул, не открывая глаз. — У меня был отряд. Мы искали мою сестру... Год прошел, как она исчезла, а след привел в эти горы. Буря нагнала нас внезапно. Мы не успели уйти с открытого склона. Лошади понесли, я отбился от своих в этой белой каше...

— Это правда, — кивнула я, накладывая ему полную миску густого рагу. — Обычно в этот сезон на горах спокойно, природа словно дает нам время собрать дары. Но если не подготовиться, если пропустить первый звоночек — буря сожрет тебя и не поперхнет. Тебе повезло, большой парень. Гора была в дурном настроении, но я оказалась упрямее нее.

Я протянула ему еду, которую он принял без тени подозрения.

— Ешь. Тебе нужны силы, если хочешь найти свою сестру. А потом расскажешь мне, почему такая важная персона, как ты, ищет ее в наших лесах, а не во дворце.

Торгрим на мгновение замер, глядя на пар, поднимающийся от миски, а затем устало отмахнулся.

— Не такая уж это тайна, — проворчал он с горечью в голосе. — Моя сестра должна была выйти замуж за герцога Аларика. Договор был скреплен кровью и золотом еще до того, как я ушел на границы. Но пока я был на войне, Моргрив... Она просто исчезла. Исчезла, бросив все: титул, дом, безопасность.

Он тяжело сглотнул, и я увидела, как на его шее вздулись вены.

— Родители в бешенстве. Они отправили меня искать ее, потому что я — единственный, кого она, возможно, еще послушает. Я должен найти ее и уговорить вернуться! Аларик уже пронюхал, что его невеста предпочла бега его постели. Если не вернуть ее до свадьбы — быть беде.

Я невольно ахнула, едва не выронив половник.

— Так свадьба может сорваться? — сердце ушло в пятки, но, признаться, не столько за судьбу империи, сколько за собственный кошелек. — Послушай, Торгрим, это очень, очень плохо! Я на эту прибыль со свадебных гуляний рассчитывала всю зиму кормить деревню. Если Аларик отменит торжество, мой эль скиснет в бочках, а я останусь с пустой кассой. Но почему она сбежала? Неужели жизнь во дворце так ужасна?

— Потому что она не любит его. Она твердит о “сердце”, о “чувствах”... Глупая девчонка. Она не понимает важности такого брака. Для нашего клана это союз, который закрепит мир на десятилетия. А она выбрала свободу.

Я замолчала, помешивая угли в очаге. Внутри кольнула жалость. Перед глазами встала эта неведомая Моргрив — молодая орчиха, которой, должно быть, было до смерти страшно бросать все и уходить в никуда ради призрачной надежды на честную любовь. Я сама никогда не была во дворцах, но знала одно: когда тебя заставляют быть тем, кем ты не являешься, даже золотая клетка кажется склепом.

— Бедная девочка, — тихо проговорила я. — Бросить все ради любви... На это нужна храбрость покруче, чем для битвы.

Торгрим лишь хмуро взглянул на меня, но спорить не стал.

— Следы привели меня в эти края, — продолжил он, обводя взглядом хижину. — И теперь это кажется мне логичным. Оакхейвен — глухомань. Она могла рассудить, что прятаться лучше всего под носом у врага. Аларик ищет ее в столице, в крупных портах, у союзников. Здесь, среди сосен и простых работяг, ее искать точно не станут. Она всегда была хитрее, чем кажется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.